

Чертов Л.Ф.

**О СЕМИОТИЗАЦИИ И РЕСЕМИОТИЗАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА.**

(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.)[©]

*Международная ассоциация пространства и времени,
Санкт-Петербург, Россия, leonid.tchertov@googlemail.com*

Аннотация. Город как часть описанной Ю.М. Лотманом семиосферы – гетерогенное образование, неоднородность которого проявляется как в пространстве, так и во времени. Семиотизация разных участков городской среды по нормам различных пространственных кодов со временем сменяется их ресемиотизацией – переосмысливанием в рамках тех же или каких-то иных семиосистем, нередко сопровождаясь реконструкцией этих участков как пространственных текстов. Много примеров такой ресемиотизации дает история Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: семиотизация и ресемиотизация; пространство; изменения; гетерогенность.

Поступила: 02.07.2019

Принята к печати: 18.07.2019

**Tchertov L.F.
On semiotization and re-semiotization of the cityspace
(The case study of St. Petersburg)**

*International Association of space and time,
St. Petersburg, Russia, leonid.tchertov@googlemail.com*

Abstract. As part of the semiosphere described by Yu.M. Lotman, the city is a heterogeneous formation. Not only is it heterotopic, but it is heterochronic as well. Semiotization of various sections of the urban environment according to the norms of different spatial codes over time is replaced by their re-semiotization – rethinking

within the framework of the same or some other semiotic systems – and is often accompanied by reconstruction of these sections as spatial texts. The history of St. Petersburg gives many examples of such re-semiotization.

Keywords: semiotization; space; changes; reinterpretation; heterogeneity.

Received: 02.07.2019

Accepted: 18.07.2019

Каждый город – это полиморфное и многофункциональное образование. Его разные части – будь то крепость или дворец, храм или рынок – структурируются и осмысляются по-разному. Поскольку семантика и синтаксика этих частей различны, можно говорить о гетеротопии города, т.е. о неоднородности различных мест в нем, как о его существенном свойстве. Неоднородность пространственных частей и разнообразие отношений между ними позволяют видеть в семиотической гетерогенности города модель целой семиосферы. Примечательно, что Ю.М. Лотман описывал семиосферу культуры и символическую структуру Санкт-Петербурга в сходных выражениях: в обоих случаях имеет место гетерогенное пространство человеческой культуры, в котором взаимодействуют разнообразные семиотические системы и построенные на их основе тексты [см.: Лотман, 1992, с. 13; Лотман, 1984, с. 5–6].

Однако город, как вся семиосфера, существует и в географии, и в истории, и его гетерогенность проявляется не только в пространстве, но и во времени. Поэтому вместе с гетеротопией город характеризует *гетерохрония* – различия значений, которые связываются даже с одними и теми же местами в разные времена.

Город может быть связанным с историей уже при самом своем зарождении. Например, город Санкт-Петербург уже в начале своего развития осмысливался не только как антитеза таким древним центрам русской истории, как Москва или Новгород, но и как продолжатель ряда исторических прототипов – как уже «четвертый» Рим, появившийся после расцвета «второго» Рима – Константинополя – и «третьего» Рима – Москвы [см.: Лотман, Успенский, 1982; Гуревич, 1998]. Эта умозрительная связь с имперским Римом была выражена с помощью семиотических средств «архитектурной латыни» особенно наглядно в стиле ампир, который прямо воспроизводил в пространственных формах внешние атрибуты имперской столицы: ордерную систему классической архи-

тектуры, триумфальные арки и монументальные колонны, посвященные победам императора (см. рис. 1).

Рис. 1.
Санкт-Петербург. Александровская колонна
и арка Главного штаба на Дворцовой площади.
1820–1830-е годы

Тем более древние города, прошедшие через разные исторические периоды, подвергались многочисленным изменениям. Очевидно, что такой город, как Рим, за три тысячи лет своей истории видел больше исторических катастроф, чем в десять раз более молодой Санкт-Петербург. Тем не менее и этот не столь древний город по-своему трактуется новыми поколениями в новых культурных контекстах.

Процессы, в которых различные городские объекты получают и изменяют свое значение, можно описывать как процессы семиотизации и ресемиотизации.

Семиотизацию можно кратко определить как превращение объектов в средства выражения каких-то смыслов с помощью одной или нескольких семиотических систем. Если пространственные формы становятся объектами семиотизации, можно говорить о *семиотизации пространства*. Можно сказать, что пространство

семиотизировано, если его значимые отношения выделены, сформированы и интерпретированы в соответствии с нормами определенных семиотических систем. Эти системы представляют собой пространственные коды, вводящие свои синтаксические, семантические и прагматические правила (в терминах Чарльза Морриса) или семиотические формы выражения и содержания (в терминах Луи Ельмслева) [см.: Моррис, 1983; Ельмслев, 2006].

Хотя семиотизация пространства часто требует значительных внешних преобразований, она может быть осуществлена и без них. Только внутренние правила структурирования и осмыслиения обязательны во всех случаях, и нередко их достаточно, чтобы установить семиотическую форму в процессах интерпретации пространства. В то же время семиотизация пространства была бы невозможна для тех, кто не готов видеть и понимать значимые пространственные конфигурации в соответствии с нормами определенной семиотической системы.

Семиотизация пространства может быть моно- или полисистемной – в зависимости от того, достаточно ли одной семиотической системы для его формирования и интерпретации. Если несколько семиотических систем одновременно участвуют в семиотизации одной и той же части пространства, образуется гетерогенный пространственный текст.

Если семиотизация пространства происходит в процессах установления определенной семиотической формы, то его *ресемиотизация* связана с изменением этой формы. Ресемиотизация может быть столь же сложной, как предшествовавшая ей семиотизация, потому что она может включать в себя изменения кодов и их комбинаций, созданных с их помощью пространственных текстов. С ней связаны и вариации в их семантических, синтаксических или стилистических трактовках. Ресемиотизация может быть осуществлена как вместе с внешними преобразованиями переосмыслием объекта, так и без них – только в сознании интерпретаторов. Этими интерпретаторами могут быть как индивиды, так и более или менее крупные коллективы.

Рис. 2.
Санкт-Петербург. Петропавловская крепость

Примером ресемиотизированного участка городского пространства в Санкт-Петербурге может служить хотя бы Петропавловская крепость (рис. 2). Построенная как оборонительное сооружение, она никогда не использовалась в этом качестве и была достаточно быстро ресемиотизирована, начав функционировать как тюрьма, куда уже Петр I заточил своего сына царевича Алексея. После восстания декабристов, когда его участники были заключены в крепость Николаем I, противостояние крепости как тюрьмы расположенному через Неву Зимнему дворцу стало ощущаться еще сильнее. В двадцатом веке после революции ее значение снова изменилось: крепость была превращена в музей и место паломничества туристов.

Как семиотизация, так и ресемиотизация пространства имеют сходные компоненты. В частности, они включают *субъектов*, которые реализуют эти семиотические акты, *объекты*, которые становятся носителями значений, и семиотические *средства*, слушающие целям выражения смыслов.

Например, в случае создания Санкт-Петербурга царь Петр I был тем *субъектом*, который мог выполнить семиотизацию такого масштаба и имел всю мощь государства для этого. *Семиотизируя* пространство будущей столицы Российской империи, Петр в то же время выступал в роли *ресурсемиотизатора* пространства всего российского государства, столица которого была им перенесена из Москвы далеко на север – в зону военного конфликта со Швецией.

Многие другие субъекты семиотической практики не приняли способ семиотизации, навязанный Петром. Его поданные, насильственно свезенные в новый город, не только ненавидели преобразования Петра, но и материально выражали свою ненависть. В Санкт-Петербурге стали вспыхивать грандиозные пожары. Один из исследователей рассматривает произведения фольклора, отразившие ситуацию того времени и дававшие яркий ответ на петровские нововедения [Каганов, 2001, с. 69]. В семиотических терминах такой ответ может быть описан как попытка *десемиотизировать* пространство, которое было семиотизировано нежелательным для людей образом.

Некоторые из новых правителей также были настроены на ресемиотизацию этого пространства. Например, всего через три года после смерти Петра Великого его внук Петр II фактически снова перенес столицу в Москву. Позднее такой же способ ресемиотизации пространства был реализован другим субъектом семиотической деятельности – советским правительством, которое после революции вернуло столицу в Москву.

Объекты семиотизации в основном представляют собой пространственные отношения, из которых отбираются значимые единицы, связанные с определенными значениями. К таким значимым пространственным объектам принадлежат, в частности, *формы и места*, а также их *размеры и материалы*.

Так, *форма, место и размеры* шпиля с ангелом, вознесшимся в небо над главным Петропавловским собором, символизируют победу над природными и социальными стихиями и создание новой европейской столицы на берегах Невы.

Регулярное, симметричное и ритмичное расположение пространственных объектов в новом городе (порядок зданий, улиц и даже растений в Летнем саду) должно было служить символом власти царя над всеми хаотическими силами – как в мире живых и

неживых объектов, так и в мире людей, которые должны были подчиняться воле царя (см.: рис. 3).

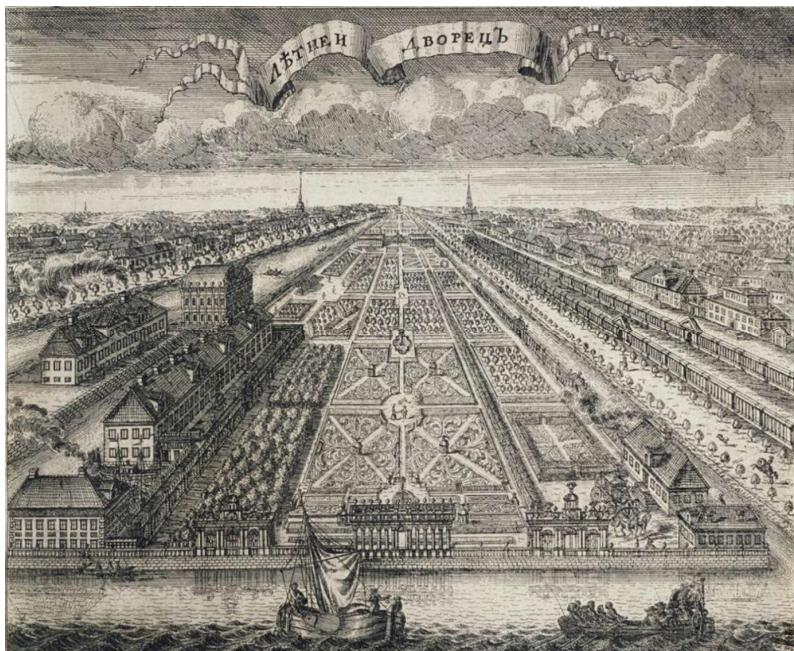

Рис. 3.
Алексей Зубов. Вид на Летний сад с Невы. Гравюра. 1717

Специальным объектом визуальной пространственной семиотизации также может быть материал. Для строящегося Санкт-Петербурга было особенно характерно противопоставление другим материалам камня. Известно, что в 1714 г. каменное строительство было запрещено по всей России, за исключением новой столицы [Лотман, Успенский, 1982, с. 244–245]. С одной стороны, этот материал был противопоставлен дереву, из которого чаще всего строились здания в старой России, включая Москву. С другой стороны, камень, искусственно завозимый в Санкт-Петербург, был противопоставлен воде как естественной стихии. Возведение каменных стен Петропавловской крепости, гранитных набережных

и зданий, обрамляющих Невские воды, – все это означало победу твердой власти над своим равной водной стихией.

Средствами семиотизации пространства могут быть как словесные, так и специальные пространственные коды. Все они были использованы Петром I как семиотизатором культурного пространства России. В частности, немецкое название *Санкт-Петербург* не только именовало новый город, но и выражало новую культурную ориентацию русского царя на европейские образцы. Очевидно, это название города, указывая как на святого апостола, так и на имя царя, задавало его двоякое толкование. Само имя Петр, переводимое с латыни как «камень», связывает его с материалом, который был так важен для семиотизации новой территории. Таким образом, *словесные средства* семиотизации были соотнесены со строительным материалом как невербальным средством *социально-символического кода*, регулирующего связи между пространственными объектами и определенными социальными ценностями.

Резкое перемещение столицы к границе со Швецией, с которой в это время шла война, было выразительным действием, своего рода жестом, совершенным с помощью еще одной пространственной семиотической системы – *демаркационного кода*. Этот же код участвовал и во внутренней структуризации самого нового города, особенно в противопоставлении каменных стен на набережной волнам непокорной Невы, норовящей проявить себя как естественная враждебная сила.

Вместе с демаркационным кодом обычно реализуется и другая семиотическая система – *предметно-функциональный код*, связывающий формы и места с их непосредственными практическими функциями. В частности, крепость была предназначена для других целей, чем Адмиралтейство с его функциями верфи. Эти функциональные различия были выражены в видимых формах соответствующих зданий, как и в их пространственной организации. Другие функциональные и социальные цели выражаются в формах Зимнего дворца, построенного для Петра I.

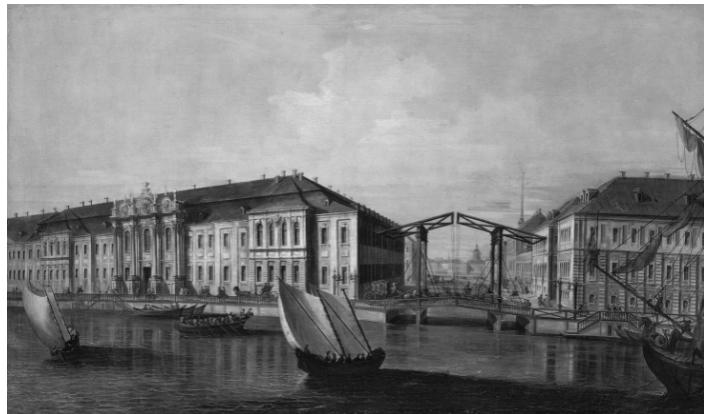

Рис. 4, А.

Санкт-Петербург. Зимний дворец Петра I. Архитектор Г. Маттарнови. 1716–1720 гг. По рисунку М. Махаева. Ок. 1750 г.

Рис. 4, Б.

Санкт-Петербург. Здание Эрмитажного Театра. Архитектор Дж. Кваренги. 1783–1787 гг.

Эти ранние сооружения были вскоре перестроены, а занимаемые ими места – ресемиотизированы. В частности, место ста-

рого Зимнего дворца занял Эрмитажный театр, созданный Джакомо Кваренги для Екатерины II (см.: рис. 4, А и Б.).

Эта ресемиотизация места была осуществлена не только с помощью предметно-функционального кода, средства которого должны были выразить идею театра. С помощью средств уже иного, *архитектонического кода*, были стилистически изменены и архитектурные формы: петровское барокко уступило место формам екатерининского классицизма. Такие стилистические изменения могут рассматриваться как пространственная ресемиотизация, произведенная в плане выражения архитектонического кода на стилистическом уровне.

Существует еще один частый случай ресемиотизации пространства – изменение пространственного «высказывания», выраженного с помощью *социально-символического кода*. Эти средства позволяют выражать предложения типа «Он был выдающимся деятелем». Субъектно-предикатная структура такого высказывания выражается в этом пространственном коде через соединение значимых формы и места¹.

В частности, установление памятника императору на площади города – это семиотический акт, эквивалентный словесному заявлению о его высокой ценности. Соответственно, смещение его статуи выражает противоположное утверждение. Так, статуя Александра Третьего была создана Паоло Трубецким и первоначально установлена на Знаменской площади в Санкт-Петербурге (см.: рис. 5). После революции новые ресемиотизаторы городского пространства сначала изменили его смысл, поменяв надпись на пьедестале и заставив площадь агитационными конструкциями, а потом и полностью удалили статую с площади. В 90-е годы XX в. эта скульптура была установлена снова, на этот раз – во дворе Мраморного дворца, который незадолго до того стал филиалом Русского музея. Сам Мраморный дворец, в свою очередь, был многократно ресемиотизирован: после революции он стал музейем Ленина и имел во дворе броневик, с которого Ленин произносил речь во время революции. Сменившая этот броневик статуя царя, оказавшись во дворе Русского музея, изменила смысл этого пространства так же, как и свой собственный. На этом месте она интерпретируется уже не как памятник, а как произведение искусства.

¹ См. подробнее о названных визуально-пространственных кодах и их участии в семиотизации архитектурного пространства: [Чертов, 2014].

Рис. 5.
П. Трубецкой. Памятник Александру III
на Знаменской площади в Санкт-Петербурге. 1909 г.

Рис. 6. А.
Санкт-Петербург. Корабль над шпилем Адмиралтейства

Рис. 6, Б.
**Санкт-Петербург. Ангел над шпилем
Петропавловской крепости**

После петровской семиотизации и многочисленных последующих ресемиотизаций пространства Санкт-Петербурга основная идея большого города над водным пространством остается выраженной связями двух самых известных символов, возвышающихся над Невой (рис. 6, А, Б). Один из них – это золотой копьёник, который служит не только знаком навигации, но и символом спасения во всех смыслах этого слова. Другой известный символ – это золотой ангел над шпилем Петропавловской крепости, который символизирует жизнь города Петра над невскими водами. При всех ресемиотизациях городского пространства, значения этих символов остаются неизменными.

Список литературы

Гуревич Л.Л. Санкт-Петербург – Четвертый Рим? Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного Конгресса Международной ассо-

- циации семиотики пространства. – Санкт-Петербург, 27–30 июля 1995 г. – СПб.; Женева; Фессалоники; Екатеринбург: Архитектон, 1998. – Т. 2. – С. 189–194.
- Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. – М.: URSS, 2006. – С. 29–154.
- Каганов Г.З. Петербург в контексте барокко. – СПб.: Стелла, 2001. – 208 с.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам 17. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1984. – С. 5–23.
- Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–21.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 236–249.
- Моррис Ч. Основания теории знаков. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Чертов Л.Ф. Знаковая призма. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 72–90, 252–262.

References

- Gurevich, L.L. (1995) Sankt-Peterburg–Chetvertiy Rim? Chelovek i gorod: prostranstva, formy, smysl. Materialy Mezhdunarodnogo Kongressa Mezhdunarodnoj assotsiacii semiotiki prostranstva. Sankt-Peterburg, 27–30 iyulya 1995 (Vol. II, pp. 189–194). SPb.; Zheneva; Fessaloniki; Ekaterinburg: Arhitekton.
- El'mslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka*. M.: URSS.
- Kaganov, G.Z. (2001). *Peterburg v kontekste barokko*. SPb.: Stella.
- Lotman, Yu.M. O semiosfere. *Trudy po znakovym sistemam 17* (pp. 5–23). Tartu: Izd-vo tartuskogo universiteta.
- Lotman, Yu.M. (1992). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. In Yu.M. Lotman, *Izbrannye stat'i*. (Vol. 2, pp. 9–21). Tallinn: Aleksandra.
- Lotman, Yu.M. & Uspenskij, B.A. (1982). Otzvuki koncepcii «Moskva – tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoj tradicij v kul'ture barokko). *Hudozhhestvennyj yazyk srednevekov'ya* (pp. 236–249). M.: Nauka.
- Morris, Ch. (1983). *Osnovaniya teorii znakov. Semiotika* (pp. 37–89). M.: Raduga.
- Chertov, L.F. (2014). *Znakovaya prizma* (pp. 72–90, 252–262). M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury.